

К истории запрета аборт в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935–1936 гг.)*

Н.Ю. Пивоваров^{1,2} ✉ pivovarov.hist@gmail.com,
Н.П. Шок² ✉ shokonat@list.ru

¹ ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)
ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, Россия, 119991

² ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России

пл. Минина и Пожарского, д. 10/1, Нижний Новгород, Россия, 603005

Статья посвящена дискуссии 1935–1936 гг. в СССР о запрете абортов. Данный эпизод советской истории содержит огромный эвристический потенциал для исследователей советского периода. На первый взгляд законопроект о запрете абортов — всего лишь историко-медицинский факт, на основании которого во многом можно сделать выводы о ситуации в отрасли в целом, а также в акушерстве и гинекологии в частности. Однако эта небольшая в масштабах истории советского здравоохранения зарисовка дает возможность выстроить нетривиальные междисциплинарные исследовательские перспективы — например, в таких направлениях, как антропология, социология, политология и других, что существенно расширяет исследовательские горизонты советского прошлого. При анализе дискуссий о запрете абортов были использованы две группы источников. К первой группе относятся документы высших партийных и государственных органов, отложившиеся в тематических делах Политбюро ЦК ВКП(б). Особое внимание было сконцентрировано на пометах и маргиналиях И.В. Сталина, оставленных им на проектах закона о запрете абортов. Практически все материалы данной группы лишь сравнительно недавно прошли процедуру официального рассекречивания и впервые вводятся в научный оборот. Ко второй группе источников отнесены письма советских граждан в высшие органы власти, а также центральные и местные периодические издания. В письмах представлена широкая палитра мнений и замечаний на законопроект о запрете абортов. Сопоставление этих двух групп источников позволило впервые в отечественной литературе исследовать формирование этического дискурса, а также показать историю становления биоэтического дискурса советского периода.

Ключевые слова: история медицины, биоэтика, запрет абортов, СССР, сталинизм, советское здравоохранение

On the history of the ban on abortion in the USSR: the views of the authorities and Soviet public opinion from the perspective of bioethics (1935–1936)

Nikita Yu. Pivovarov^{1,2} ✉ pivovarov.hist@gmail.com,
Nataliya P. Shok² ✉ shokonat@list.ru

¹ FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University)

8 Trubetskaya St., building 2, Moscow 119991, Russia

² FSBEI HE PRMU MOH Russia

10/1 Minin and Pozharsky Sq., Nizhny Novgorod 603005, Russia

This article looks at the debate in the USSR in 1935–1936 on banning abortions. This episode of Soviet history has enormous heuristic potential for researchers studying the Soviet period. At first sight, the bill to ban abortions appears simply a matter of historical medical fact, based on which we can in many ways draw conclusions about the situation in healthcare in general, and in obstetrics and gynaecology in particular. However, this small-scale episode in the history of Soviet healthcare provides scope for substantial cross-disciplinary research prospects in fields such as anthropology, sociology, political science, and so on, significantly expanding the research horizons of the Soviet past. Our analysis of the abortion ban debate draws on two groups of sources. The first comprises documents of the highest Communist Party and government bodies, stored in the thematic files of the Soviet Politburo. Particular attention is paid to the notes and marginalia made by Stalin in the drafts of the law to ban abortions. Practically all the materials in this group have been officially declassified only comparatively recently, and now being studied for the first time. The second group of sources comprises letters from members of the Soviet public to the highest organs of government and to national and local periodicals. The letters present a wide range of opinions and observations on the bill to ban abortions. Comparing these two groups of sources has allowed us to become the first Russian researchers to study the development of ethical discourse, and show the history of the emergence of bioethical discourse, in the Soviet period.

Keywords: history of medicine, bioethics, abortion ban, USSR, Stalinism, Soviet health care

* Работа осуществлена в рамках проекта РНФ № 18-78-10018 «Проблемы биоэтики в исторической и социокультурной динамике общества».

Шок Н.П.: ORCID 0000-0002-0713-7507

© Н.Ю. Пивоваров, Н.П. Шок

Советская Россия стала первым в мире государством, в котором были официально разрешены аборт. 18 ноября 1920 г. было принято совместное постановление народного комиссариата здравоохранения и народного комиссариата юстиции «Об искусственном прерывании беременности», согласно которому допускалось «бесплатное прерывание беременности в обстановке советских больниц, где обеспечивается максимальная безвредность»¹. На тот момент это был один из самых не только прогрессивных, но и вызывающих законов, противоречивших консервативным устоям российского общества. Не случайно, что в преамбуле постановления объявлялось о том, что рабоче-крестьянское правительство «борется с этим злом» путем агитации против абортов. Однако «моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия»² вынудили советское правительство пойти на легализацию абортов. Через 15 лет ситуация кардинально изменится, и советское правительство, даровавшее женщинам право на аборт, введет запрет на их производство.

История медицины, связанная с женскими проекциями в целом, а также история абортов как элемента или части государственной демографической политики в СССР представляли интерес для отечественных и западных исследователей. Особое внимание историков, демографов, социологов и политологов привлекали сталинский консервативный поворот и факт запрета абортов в 1936 г., а также политика в этой области в военные и первые послевоенные годы [1, р. 76–83; 2, р. 899; 3, р. 59–82; 4, с. 293; 5, с. 31–45; 7; 8, р. 26–35; 9, р. 201; 10, р. 423–440; 11, р. 83–88; 12, с. 262; 13; 14, с. 80–89; 15], последовательность и основания которой еще предстоит проанализировать ученым.

Однако подробное изучение обстоятельств, связанных с решением И.В. Сталина о запрете абортов в 1936 г., общественная дискуссия и внутренние противоречия властных структур по этому вопросу оставались вне поля зрения исследователей. Данная публикация отчасти восполняет этот про-

бел в историографии. Наше внимание будет сосредоточено на законопроекте об абортах. Во многом это обусловлено тем, что данный исторический факт важно исследовать не только с сугубо исторической точки зрения, но и с целью его анализа в качестве элемента цепочки исторических предпосылок, способствующих более глубокому пониманию социальных смыслов в продолжающейся дискуссии современного российского общества относительно этой сложной биоэтической дилеммы. Иными словами, медицинская практика производства абортов в 1930-е гг. рассматривалась властями в комплексе социальных, правовых, экономических мер, направленных не столько на женщину, сколько на институт семьи в целом как объект комплексной политики государства. Вместе с тем именно вопрос об абортах и его сложные этические дилеммы открыли важную, значимую для комплексного исследования в области социальной истории медицины дискуссию в советском обществе, осветить которую и призвана данная публикация.

В данной статье использованы две основные группы источников. К первой группе мы относим материалы высших партийных органов – Политбюро и Аппарата ЦК, где и происходило обсуждение законопроекта о запрете абортов. Всего нами было выявлено три редакции данного законопроекта, а также сопроводительные записки и справки к ним. Благодаря этим редакциям мы не только можем проследить развитие дискуссии по данному вопросу внутри советского руководства, но и изучить реакцию высшего советского руководства и его отдельных представителей, являющуюся важной составляющей исторического нарратива по данному вопросу. К сожалению, в распоряжении историков нет документов, в которых было бы зафиксировано обсуждение законопроекта об абортах (например, стенограмма Политбюро по данному вопросу). Именно поэтому бесценным источником информации в этом вопросе выступают маргиналии и пометы, сделанные И.В. Сталиным на полях трех вариантов законопроекта. Вторая группа источников, использованных при подготовке текста статьи, – это письма и отклики населения на законопроект. Эти документы являются важ-

¹ Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ), 1920. № 90, ст[атья] 471.

² СУ, 1920. № 90, ст. 472.

ным источником, свидетельствующим о советской повседневности 1930-х годов. Более того, письма советских граждан позволяют исследователю увидеть проблему в широком социальном контексте, сделать выводы относительно уровня развития общественного сознания в отношении аборт как комплексной не только этической, медицинской, но и социально-экономической дилеммы.

Дискурс власти и политика СССР в отношении абортов

До сих пор у историков нет точных данных, что стало отправной точкой в деле инициации запрета абортов в СССР в 1936 г. Можно предположить, что одним из решающих документов была записка наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова от 14 июля 1934 г., подготовленная на имя И.В. Сталина, в которой сообщалось о «тревожных симптомах в развитии дошкольного воспитания в стране»³. В частности, в ряде районов РСФСР произошло резкое сокращение числа детей, посещающих детские сады. Так, по Горьковской области количество детей, ранее посещавших дошкольные учреждения, сократилось только за первый квартал 1934 г. почти на 5 тыс. человек, в Татарской Республике — на 31 тыс. человек, в Западной Сибири — на 41 тыс. чел., а в районах по Средней Волге почти на 42 тыс. человек⁴.

А.С. Бубнов не озвучивал причины этого сокращения, хотя к 1934 г. они были очевидны: коллективизация и последовавший за ней голод привели к демографической катастрофе. Так, почти за десять лет (от переписи населения 1926 г. до переписи 1939 г.) население РСФСР сократилось почти на 5 млн человек [16, с. 69]. В 1933 г., согласно советским статистическим данным, впервые с голодного 1921 г. был зафиксирован отрицательный естественный прирост населения. Голод сопровождался широким распространением инфекционных болезней, особенно так называемых детских инфекций — дифтерии, скарлатины, кори, коклюша и других, представлявших серьезную опасность для населения младших возрастов [17, с. 145].

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 712. Л. 11.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 712. Л. 12.

Власть пыталась решить демографические проблемы материальными стимулами. Например, 9 апреля 1935 г. Политбюро ЦК опросом своих членов утвердило постановление «О порядке начисления содержания колхозов на время до и после родов»⁵. В соответствии с ним женщины были освобождены от работ в колхозах и совхозах за месяц до родов и на месяц после родов с сохранением содержания на эти два месяца в половинном размере средней выработки ими трудодней. Это означало, что средняя выработка крестьянки за эти «декретные» два месяца составляла около 20 трудодней. Через несколько месяцев советское правительство упорядочило работу детских садов и яслей по всей стране [18, с. 268]. В частности, все детские сады и ясли городских предприятий и совхозов передавались в ведение наркомпросов союзных республик и местных органов образования. Были установлены правила пребывания детей в детских садах (не более 9 часов), доля родителей в расходах по их содержанию (не более 35%). Распределение мест в детсадах теперь регламентировалось профсоюзами и местными отделами образования. Однако эти шаги были недостаточными даже для стабилизации демографической ситуации в стране. Необходимы были более решительные меры. На заседании Политбюро ЦК 9 марта 1936 г. было принято постановление о создании комиссии по разработке закона о запрещении абортов, помощи роженицам и расширении сети детских яслей и детских домов⁶. В состав комиссии вошли: нарком юстиции РСФСР Н.В. Крыленко (председатель), прокурор СССР А.Я. Вышинский, заведующий Сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б) Я.А. Яковлев, нарком финансов СССР Г.Ф. Гринько, первый секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник, секретарь ВЦСПС Г.Д. Вейнберг, заместитель наркома просвещения Н.К. Крупская, председатель ЦК профсоюза хлопчатобумажной промышленности А.В. Артюхина, ответственный сотрудник ВЦСПС М.А. Шабурова, начальник Главного управления авиационной промышленности Наркомтяжпрома М.М. Каганович,

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 962. Л. 167.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 975. Л. 11.

председатель Московской областной контрольной комиссии А.П. Васильева, нарком здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминский, нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев⁷.

Первый вариант законопроекта был разослан всем членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК уже 4 августа 1935 г.⁸ Законопроект поступил на рассмотрение вместе с запиской наркома юстиции Н.В. Крыленко, в которой довольно подробно описывались планы введения тех или иных законодательных норм. Несмотря на то что главной темой законопроекта был запрет на производство аборт в СССР, собственно запрету было посвящено гораздо меньше внимания, чем, например, вопросам расширения сети детских садов и яслей. Н.В. Крыленко так характеризовал основную идею законопроекта: «Главный упор в законе взят не на запрещение абортов и его мотивировку, а на мероприятия, связанные с оказанием помощи, как об этом говорит и само название закона, рожаящим женщинам и их детям»⁹. Фактически советская власть в лице Н.В. Крыленко предполагала решить демографическую проблему в стране с помощью мер материальной поддержки населения. С этой целью предлагалось провести дополнительное перераспределение государственных ресурсов за счет фондов социального страхования и двухпроцентного натурального и денежного фонда, сформировавшегося для оказания помощи детям-сиротам и инвалидам¹⁰.

Из сохранившихся вариантов законопроекта наиболее важные — с точки зрения реконструкции истории советской медицины в части биоэтических сюжетов — предложения были включены в третью редакцию документа, а также в сопроводительную записку к законопроекту за подписью Н. Крыленко

и Г. Каминского. Так, предлагалось разрешить производство абортов не только в случаях, когда беременность угрожает непосредственно жизни женщины, но и когда по общественным, производственным или бытовым условиям беременная женщина не может обеспечить надлежащего ухода за новым ребенком. Такие разрешения должны были выдавать специальные комиссии при районных и городских здравотделах, в которые наряду с врачами входили бы представители общественности (партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций)¹¹. Это предложение в какой-то степени можно охарактеризовать как предвосхищение идеи биоэтических комиссий, но оно не было поддержано И.В. Сталиным. На полях записки он написал: «Ха-ха-ха. Не то»¹². Сталинские маргиналии существенно дополняют наше понимание уровня этических представлений советского руководства. Например, понимая, что закон может вызвать определенный протест со стороны советского общества, И.В. Сталин уже в первом варианте законопроекта вычеркнул фразу о том, что запрет абортов исходит из «одобренной инициативы женщин»¹³. В первом и втором варианте советский вождь подчеркивал оборот о том, что законопроект принимается в том числе «в связи с доказанной вредностью абортов»¹⁴.

Показательны правки во втором варианте законопроекта. И.В. Сталин, редактируя предложения о наказании врачей, вместо слов

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 977. Л. 18.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 977. Л. 18.

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 16.

¹⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 19. Примечательно, что ни в одном из документов, попадавших на стол И.В. Сталина, не было ни одной справки, в которой бы содержалась информация, доказывавшая «вредность» абортов для женского здоровья. Только в сопроводительной записке Крыленко ко второй редакции законопроекта содержится информация о том, что в 1935 г. в Москве на 70 тыс. родов пришлось 155 тыс. абортов. На что нарком юстиции тут же добавил: «В свете этих цифр необходимость ограничения абортов не требует доказательства» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 977. Л. 29). Но уже в следующем абзаце нарком сообщил, что приведенные выше цифры активно используются в пропаганде, особенно среди сельского населения. Таким образом, советские вожди либо не имели точных данных о «доказанной вредности» абортов, либо полагали, что это не самый важный критерий запрета абортов.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 975. Л. 11.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 28.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 33.

¹⁰ При этом Н.В. Крыленко в своих предложениях руководствовался репрессивной политикой партии. Так, помощь женщинам из хозяйств единоличников не предусматривалась, т.к. «1) молоко для ребят они не покупают, а имеют от своих коров, 2) в органах (кассах взаимопомощи) они не состояли, а возлагать на колхозы заботу о женщинах-единоличницах — нет оснований» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 980. Л. 34).

«лишения свободы» вписал «тюремное заключение», а женщин, решившихся на повторный незаконный аборт, предлагал подвергать «3-х месячному уголовному наказанию» вместо штрафа в 300 руб.¹⁵ Иногда маргиналии вождя превращались в своеобразный диалог с составителями законопроекта. Так, когда Н.В. Крыленко предложил распространить выдачу повышенных пособий и на многодетные семьи, у которых было соответствующее число детей к моменту принятия закона, то Сталин написал: «Это пожалуй верно!» Но когда нарком выступил с инициативой установить отдельную помощь многодетным вдовам, предоставить жилищные льготы многодетным семьям, Сталин написал категоричное: «Нет». В то же время он поддержал предложение о разрешении многодетным колхозникам иметь в личном хозяйстве две коровы.

Важным представляется тот факт, что никто из советских руководителей, принимавших участие в работе над проектом, ничего не писал о правах самих женщин. В этом отношении примечательна преамбула текста законопроекта, в которой отмечалось, что, принимая закон, государство идет «навстречу многочисленным заявлениям трудящихся о вреде абортов, в целях охраны здоровья трудящихся женщин и одобряя их инициативу». Там же подчеркивалось, что на советской женщине «лежит большая и ответственная обязанность рождения и воспитания граждан нашей страны»¹⁶. Для подкрепления авторитета закона в нем даже приводились слова Ленина, в которых вождь мирового пролетариата косвенно выступал против абортов. Еще одним из аргументов в пользу запрета абортов было заявление об уничтожении капитализма и росте материального благосостояния советских граждан. Обезличенный характер аргументации, фактически лишенный медико-социального анализа реального положения женщин и семей с детьми, исключал этический ракурс обсуждения вопроса. По большому счету это было практически невозможно в тех трудных условиях жизни

советского человека. Основные дебаты внутри власти шли в экономической плоскости. Они развернулись между Н. Крыленко с одной стороны и представителями ведомств (наркомфина, наркомпроса и наркомздрава) — с другой. Нарком юстиции предлагал в разы увеличить материальную помощь беременным и матерям. Ведомства же пытались ее уменьшить, заявляли о невозможности для государства финансировать настолько масштабные проекты. Например, Н. Крыленко предлагал увеличить количество коек для беременных¹⁷ (до 6,5 тыс. для горожан и 20 тыс. для сельских жителей), ввести в эксплуатацию почти 5 млн новых ясельных мест, удвоить число мест в детских садах в течение двух лет¹⁸. Естественно, ведомства выступали против этой инициативы, считая, что у государства недостаточно ресурсов для реализации настолько масштабных проектов и срок реализации нереалистичен.

Предложения и мнения советского общества

Впрочем, стоит признать: власть осознавала, что принятие такого рода закона без широкого обсуждения затруднительно. Именно поэтому в мае 1936 г. была запущена кампания «всенародного обсуждения законопроекта», в ходе которой в высшие партийные и государственные органы, а также в редакции центральных и местных периодических изданий стали поступать письма и отклики населения. Их было так много, что заведующий Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Таль 3 июня 1936 г. направил записку И.В. Сталину, в которой предлагал завершить кампанию по обсуждению законопроекта¹⁹. В печати необходимо было начать кампанию по обсуждению проекта новой конституции СССР, однако население с гораздо большим интересом и более живо обсуждало законопроект об абортах, чем проект основного

¹⁵ В окончательный текст закона это сталинское предложение не было включено.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 979. Л. 39. Примечательно, что в опубликованном тексте закона эти положения отсутствовали.

¹⁷ К 1935 г. в городах и крупных промышленных центрах находилось 28 тыс. коек, что охватывало около 70% потенциальных рожениц. В советской деревне родильными койками при сельских больницах были обеспечены не более 9% потенциальных рожениц.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 782. Л. 18; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 979. Л. 32.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 782. Л. 114.

закона государства. В связи с этим Б.М. Таль считал, что в самое ближайшее время в печати необходимо сообщить о том, что в ЦИК СССР сформирована авторитетная комиссия по разбору всех предложений по законопроекту, т.е. положить конец массовому обсуждению вопроса об абортах.

Примечательно, что из огромной массы писем лишь в незначительной части содержались категоричные оценки — за однозначное запрещение абортотв и столь же решительное «против» этого запрещения²⁰. Например, из почти 9 тыс. писем, пришедших в редакцию газеты «Правда» меньше чем за месяц (с 27 мая по 16 июня), только в 589 авторы были «против» запрета абортотв, а в 593 — «за». Большая часть писем была за частичную легализацию абортотв, но при общем запрете. Работа с текстами этих писем еще предстоит, так как она в целом выходит за рамки задач представленной статьи и, безусловно, требует отдельного исследования. Тем не менее мы приведем некоторые из них в качестве наглядного примера реального положения дел в советской семье 1930-х гг.

Как правило, против запрета абортотв в любой форме выступали женщины из крупных промышленных городов, представители новой советской интеллигенции, придерживавшиеся феминистических взглядов. Так, Л.С. Михайлиди (инструктор физкультуры, жена командира Черноморского флота) заявляла: «Возражаю против прямого запрещения абортотв... Ведь если запретить аборт — это значит закабалить, не говорю о всех, но часть женщин вечными пеленками, возней с малышами и окончательно оторваться от окружающей жизни», а известная позднее художница М. Райх писала: «Деторождение есть право, а не принудительная обязанность женщин».

Сторонниками тотального запрета абортотв были, как правило, сельские жители («Мы не городские — рожать не боимся», — писала одна из безымянных колхозниц), что во многом отражало консервативные позиции советской деревни. Но данное положение

нельзя абсолютизировать. В крестьянской среде также встречались противники запрета. Так, жительница Харьковской области, колхоза им. Демченко писала: «Неправильно запретить абортотв — у меня трое детей, и я больше рожать не хочу». Основной идеологический лейтмотив авторов, поддерживающих запрет абортотв, был прост: растить детей для социалистической родины. Так, некто Н. Корина в письме, опубликованном в газете «Пролетарий Черноморья», писала: «Нет, уж если запрещать, так всем без исключения. А то всегда найдут лазейку, будут ходить по всяким комиссиям и просить. Пусть родят все. У детей наших — хороший защитник — пролетарское государство».

Авторы тотального запрета абортотв выступали за усиление репрессивной политики в отношении как врачей, производящих абортотв, так и женщин, решившихся на них. В отдельных письмах звучали предложения увеличить наказания для врачей в виде тюремного срока до пяти лет (вместо двух, как предлагалось в законопроекте), а непрофессиональным врачам (знахаркам и бабкам) — давать до восьми лет тюремного заключения. Женщин, совершивших аборт в первый раз, предлагали лишать свободы до одного года, а каждый совершенный аборт отмечать в паспорте.

Но для нас главный интерес представляет самая большая группа писем, в которых были предложения по частной легализации абортотв. Чаще всего в письмах и откликах назывались несколько причин в пользу сохранения практики абортотв хотя бы для отдельных категорий населения.

Улучшение материально-бытовых условий советского населения, и особенно многодетных семей, было распространенной темой, поднимаемой авторами писем. Например, А.И. Ливинова (жена краснофлотца-сверхсрочника из Кронштадта) писала в редакцию «Правды»: «Я в настоящее время имею ребенка, сама работаю. И я думаю, если у меня будут средства, то я еще могу родить, а если нет средств — то надо делать аборт. Если запретят абортотв, то мы, женщины, станем делать их своими средствами». С ней соглашался инженер Денисов из Севастополя: «Что же должны делать родители, имея на своем иждивении 5–6 детей? На зарпла-

²⁰ Здесь и далее при подсчете мы используем письма и отклики, опубликованные в газетах «Правда», «Известия», «Социалистическое земледелие», «Литературная газета» и др.

ту 100–150 рублей ясно нельзя накормить и одеть такую семью».

В письмах предлагали оперативно решать жилищный вопрос, в частности, предоставлять многодетным семьям квартиры в первоочередном порядке. Так, некая Ольга Креуш писала: «Необходимость перманентно находиться в состоянии беременности заставляет выбывать из строя каждый год не меньше 6 месяцев. Многодетность вообще не возможна в стесненных городских условиях». Авторы писем предлагали разрешать совершать аборт отдельным категориям женщин: женщинам-одиночкам, работающим на низкооплачиваемых должностях, не имеющим жилплощади, разведенным, учащимся. В письмах озвучивались предложения о помощи матерям после рождения детей: о помощи детям, находящимся на искусственном питании, об удлинении перерыва для кормления ребенка матерям, работающим на производстве и живущим далеко от предприятий, о запрете работать женщинам в ночную смену вплоть до того, как ребенку не исполнится 9 месяцев.

Авторы писем предлагали частично легализовать аборт и по медицинским соображениям. Аборт допускался, если у одного из родителей тяжелые наследственные и венерологические болезни, для матерей в период лактации, а также abortировать женщин в зависимости от их возраста (до 35 лет запрещать, а после 35 – разрешать). Так, некая Задиморова из Москвы писала: «Если женщина забеременела впервые, то аборт допускать нельзя, ибо самый вредный аборт – первый». Значительное число писем было посвящено необходимости развивать индустрию противозачаточных средств, а главное – улучшать их качество. Многие авторы поддерживали идею формирования широкой сети специализированных женских консультаций.

Иногда в письмах поднималась криминальная тематика, а именно боязнь авторов, что запрет вызовет волнообразное увеличение числа нелегальных абортов и самоабортов. Так, семья Волковых из Одессы писала: «Большинство делающих аборт бесспорно знает о его вреде. И если к нему все же прибегают, то делают это, исходя из принципа, что из всех зол надо выбирать меньшее... Запрет

сегодня только увеличит нелегальные аборт и еще больше будет калечить женщину». В единичных письмах заявлялось, что аборт необходим, если женщину «какой-нибудь негодяй изнасиловал».

Члены Комиссии, занимавшиеся разработкой законопроекта об абортах, довольно внимательно рассматривали предложения, исходившие от граждан. В итоге в окончательный текст закона было включено около 60 правок на основе анализа писем и откликов. 27 июня 1936 г. Политбюро ЦК утвердило постановление «Об итогах обсуждения законопроекта о запрещении абортов». ЦИК и СНК рекомендовалось принять поправки, «сделанные гражданами при всенародном обсуждении проекта постановления ЦИК и СНК СССР о запрещении абортов», а сам закон – опубликовать уже 28 июня²¹. На следующий день практически все центральные газеты опубликовали постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, увеличении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Закон о запрете абортов в СССР вступил в силу.

Казус наркома Каминского

Стоит признать, что в окончательный текст закона было введено небольшое положение, основанное на медицинских показаниях, разрешающее аборт: «Производство абортов допустить исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей, и только в обстановке больниц и родильных домов»²². Необходимо было разработать дополнительное нормативное регулирование к данному положению с тем, чтобы определить, какие заболевания относить к числу угрожающих здоровью и жизни женщины. Состав

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 2.

²² Правда. 1936. 29 июня.

вить такой перечень было поручено нарком здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому.

Первый вариант перечня Г.Н. Каминский направил на рассмотрение И.В. Сталину и В.М. Молотову уже 17 июля 1936 г.²³ В его разработке приняли участие не только чиновники из наркомата здравоохранения, но и видные советские медики. В основе своей перечень повторял опубликованный еще в 1932 г. «Список безусловных медицинских показаний к аборт». Но новый перечень был заметно расширен, и это дает нам основание считать, что советская медицинская общественность во главе с наркомом пошла на частичную легализацию абортов.

Г.Н. Каминский предложил каждый отдельный случай хирургического прерывания беременности решать на врачебном консилиуме. В такие консилиумы при каждой женской консультации должны были входить три специалиста — акушер-гинеколог, терапевт и врач по специальности, к области которого относилось устанавливаемое заболевание. Нарком предлагал создавать их при каждой женской консультации (не более двух в городах и в каждом районном центре). Если имелось расхождение мнений членов консилиума, случай направлялся на рассмотрение особых комиссий при областных или краевых здравотделах. В проекте приказа наркомата предлагалось любые аборты проводить бесплатно²⁴.

Предложения Г.Н. Каминского, и особенно перечень заболеваний, вызвал резкую критику И.В. Сталина, о чем свидетельствуют пометы на документах. Так, на сопроводительной записке наркома советский вожь написал: «Можно только удивляться нахальству авторов проекта, которые на деле отменяют декрет против абортов И. Сталин», а на самом перечне он спрашивал: «Разве эти болезни передаются по наследству? Или разве они все угрожают жизни роженицы?»²⁵

Действительно, с точки зрения советского руководства, список заболеваний оказался непростительно большим: он включал

16 групп заболеваний. На наш взгляд, уместно привести этот список, так как он является прекрасной иллюстрацией медицинских представлений советской эпохи 1930-х годов в ракурсе (используя современную терминологию) биоэтической дилеммы аборта. Так, в перечень вошли: 1) болезни сердца и сосудов (эндокардиты, пороки сердца с признаками расстройства кровообращения, поражения мышцы сердца при наличии стойкой аритмии, тяжкие и стойкие изменения кровеносных сосудов, стенокардия, стойкая гипертония, не зависящая от беременности); 2) болезни почек и мочевых путей (стойкие формы воспалительных, дегенеративных и склеротических изменений почек, острые нефриты и пиелонефриты, двусторонний нефролитиаз, камни мочеточника или мочевого пузыря при наличии воспалительных явлений, кистозные поражения почек, хронический язвенный цистит, наличие одной почки); 3) болезни дыхательных путей (бронхиальная астма, абсцесс и гонорея легких, актиномикоз и эхинококк легких, туберкулез всех форм, деформация грудной клетки); 4) болезни печени (цирроз, абсцесс и гонорея печени, желчнокаменная болезнь, осложненная инфекцией, хронические воспаления желчного пузыря); 5) болезни желудочно-кишечного тракта, связанные с истощением и сужением пищеварительного аппарата; 6) болезни эндокринной системы (базедова болезнь, микседема, сахарный диабет, аддисонова болезнь, акромегалия, остеомалация, тетания); 7) болезни кроветворных органов (злокачественное малокровие, лейкозы, лимфогранулематозы, геморрагические диатезы, гемолитическая желтуха, стойкие формы спленомегалии типа Банти и Гоше); 8) хронические формы малярии; 9) злокачественные образования любых органов; 10) болезни нервной системы (спинальные параличи, сифилис головного мозга, спинная сухотка, множественный склероз и диссеминированный энцефаломиелит, сириномиелия, церебральные параличи, эпидемический энцефалит, хорей беременных, опухоли головного мозга, полиневриты, прогрессирующая мышечная атрофия, врожденные поражения центральной нервной системы; 11) сифилитические болезни; 12) болезни органов чувств

²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896. Л. 35.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896. Л. 38.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896. Л. 31. Здесь и далее особенности оформления текста (подчеркивания) сохраняются.

(неврит зрительного нерва, ретинит и отслойка сетчатки, кровоизлияние в сетчатку, поражение роговицы с характерным размягчением, задние стафиломы с изменением сосудистой и сетчатой оболочки, хронический двусторонний иридоциклит, атеросклероз, хронические кохлеарные невриты, лабиринтопатии с явлениями декомпенсации вестибулярных функций); 13) психические заболевания (явно выраженные душевные заболевания матери, шизофрения, гениальная эпилепсия, пресенильные артериосклеротические психозы, прогрессивный паралич, алкогольный психоз, тяжелые случаи наркомании, маниакально-депрессивные психозы); 14) болезни костно-суставной системы (выраженные формы сколиоза и анкилозирующий спондилит, невправимые формы врожденного вывиха, значительная деформация тазобедренного сустава, отсутствие одной из конечностей); 15) заболевания половой сферы (сужение таза, значительные рубцовые изменения влагалища, перенесение операций по поводу мочеполовых свищей, неукротимая рвота беременных, наличие рубцов стенки матки, лактация в первые 9 месяцев беременности); 16) заболевания, передающиеся по наследству (глухонмота, наследственная слепота, уродство конечностей, нарушающих трудоспособность, гемофилия, идиотия, гениальная эпилепсия, шизофрения, ясно выраженный циркулярный психоз)²⁶.

В конце августа 1936 г. Г.Н. Каминский, уже будучи наркомом здравоохранения СССР, направил на рассмотрение И.В. Сталину новый «Перечень медицинских показаний к операции искусственного прерывания беременности (аборта)», а также проект постановления СНК СССР «О порядке разрешения прерывания беременности по медицинским показаниям»²⁷. На этот раз Каминский существенно переработал первоначальный проект, сократив его на треть. Как писал сам нарком: «В перечне остались только такие заболевания, которые, по мнению всех видных специалистов, бесспорно являются препятствием к нормальному завершению беременности и безусловно угрожают

жизни или тяжелым ущербом для здоровья беременной женщины»²⁸.

Однако члены Политбюро ЦК опросом от 1 сентября 1936 г. отклонили проект Каминского, рекомендовав ему «максимально сократить перечень медицинских показаний, на основе обмена мнений в Политбюро»²⁹. Лишь через месяц, 11 октября 1936 г., члены Политбюро приняли постановление «О порядке разрешения аборт» и утвердили перечень болезней, на основании которых было разрешено проводить хирургические операции по искусственному прерыванию беременности. Новый перечень был меньше первоначального и включал 15 типов заболеваний: 1) тяжкие и тяжелые органические поражения сердца и кровеносных сосудов (эндокардиты с анатомическими поражениями клапанов сердца, анатомические поражения клапанов сердца и поражения мышцы сердца при явлениях недостаточности кровообращения, стойкая гипертония; 2) стойкие формы воспалительных, дегенеративных и склеротических изменений почек с ограничением их функций; 3) двусторонний нефролитиаз, установленный рентгенологически; 4) открытые формы легочного туберкулеза, а также закрытые туберкулезные изменения легких и плевры; 5) туберкулез мочевых путей, брюшины, кишечника, костей, суставов и гортани; 6) хронические паренхиматозные поражения печени с выраженным нарушением функции; 7) базедова болезнь с выраженной недостаточностью сердечно-сосудистой системы или стойкими интоксикациями; 8) злокачественное малокровие и злокачественная анемия беременных; 9) лейкозы; 10) злокачественные опухоли; 11) эпилепсия; 12) ретиниты или невриты зрительного нерва; 13) тяжелые заболевания роговицы; 14) сужение таза от 7 1/2 сантиметров и ниже; 15) наследственные болезни одного из родителей (гемофилия, идиотия, гениальная эпилепсия, тяжкие формы шизофрении и маниакально-депрессивного психоза, наследственная слепота и глухонмота, наследственная атаксия)³⁰.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 896. Л. 37–38.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 897. Л. 43.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 897. Л. 44.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 4.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 6–9.

Кроме перечня заболеваний было утверждено положение «О порядке разрешения прерывания беременности (аборта) по медицинским показаниям», содержащее важные положения врачебной этики и деонтологии. Согласно этому положению, врач был поставлен в довольно жесткие условия. Так, в положении оговаривалось, что «советский врач должен твердо усвоить, что аборт не только вреден для здоровья женщины, но и является серьезным социальным злом, борьба с которым есть долг каждого сознательного гражданина и прежде всего медицинских работников», а «добросовестный советский врач в своей практике не должен допускать ни малейшего отступления от основного правила, изложенного в законе от 27.IV-с.г., что аборт допускается как исключение». Отныне «всякое произвольное толкование этих показаний, всякое расширение их категорически запрещается», «врача, который недостаточно строго и добросовестно будет применять установленные показания, не говоря уже о прямых нарушениях, ожидает установленное законом уголовное наказание»³¹. Уголовная ответственность была возложена и на членов врачебных комиссий, определявших в каждом отдельном случае заболевание, являющееся основанием для разрешения аборта. Наконец, административная ответственность за деятельность членов комиссий была возложена на местных руководителей здравоохранения и наркомов республик. Дополнительной формой, ужесточающей процедуру, стало и то, что за проведение аборт стала взиматься плата.

Таким образом, попытка медицинской общественности и наркома здравоохранения Г.Н. Каминского расширить перечень медицинских оснований для производства абортов не удалась. Только в 1951 г. Совет Министров СССР принял постановление «О порядке разрешения аборта по медицинским показаниям», которое существенно расширило перечень болезней, на основании которых можно было проводить операцию по искусственному прерыванию беременности. В постановление были включены практически все заболевания из первого списка Каминского, к тому времени расстрелянного и признанного врагом народа. Были также существенно облегчены

правила проведения абортов, однако только в 1954 г. была снята уголовная ответственность за производство абортов, а еще через год Президиум ЦК КПСС утвердил указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов». Так завершился почти двадцатилетний период запрета абортов в СССР.

Заключение

В 1937 г. известный советский деятель А.А. Сольц, прозванный «совестью партии», писал в газете «Труд»: «Нам нужны люди. Аборты, которые уничтожают жизнь, неприемлемы в нашей стране. Советская женщина имеет одинаковые права с мужчиной, но это не освобождает ее от великого и почетного долга, который возложила на нее природа: она мать, она дает жизнь. И это определено не личное дело, но дело большой социальной важности» [цит. по: 19, с. 188]. А.А. Сольц фактически транслировал позицию власти не только в отношении абортивной политики, но и шире — в стремлении контролировать человеческое тело, индивидуальность и ценность человека. Впрочем, советское правительство находилось в «тренде» мировой политики. Так, Германия ввела уголовное наказание за искусственное прерывание беременности еще в 1872 г., а во время Первой мировой войны и вплоть до окончания Второй мировой войны запретила рекламу противозачаточных средств и ужесточила закон об абортах. В 1923 г. Франция установила уголовное наказание для врачей, занимающихся абортами, аналогичным образом поступила Италия, введя до пяти лет тюрьмы для любого, кто осуществлял аборты. В межвоенный период аборты были запрещены в ряде стран [20, с. 184].

Однако для нас советский пример интересен не только тем, что законопроект о запрете абортов являлся ярким историко-медицинским фактом, на основании которого во многом можно сделать выводы о положении дел в отрасли в целом, а также в акушерстве и гинекологии в частности. Законопроект и его обсуждение породили своеобразную биоэтическую дискуссию как внутри власти, так и в советском обществе. В этой дискуссии примечательна схожесть позиций власти и общества. Заявляя о необходимости введения запрета на аборты, обе стороны предлагали

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 11–12.

социально-экономическое обоснование для данной меры. Так, власть считала, что, запрещая аборт, она должна дать взамен новые родильные дома, детские ясли и сады, увеличить дотации многодетным семьям, сделать экономически невыгодными разводы. Но и советское общество придерживалось таких же позиций, рассчитывая, что власть обязана оказать поддержку малоимущим гражданам, поднять уровень здравоохранения. Практически никто, включая и профессиональное

медицинское сообщество, не ставил вопрос о выборе самой женщины, о ее правах на собственное тело.

Вместе с тем дискуссия о запрете абортов середины 1930-х годов, несмотря на свою неоднозначность и внутреннюю противоречивость, позволяет нам увидеть, как формировались этический и биоэтический дискурс в советском обществе. На примере выбранной темы мы глубже можем раскрыть и показать историю тела, а также пределы контроля над личностью в СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Heer D.M. Abortion, Contraception, and Population Policy in the Soviet Union // *Soviet Studies*. 1965; 17.
2. Glass B.L., Stolee M.K. Family Law in Soviet Russia, 1917–1945 // *Journal of Marriage and the Family*. 1987; 49.
3. Solomon S.G. The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1992; 33(1).
4. Conze S. Weder Emanzipation noch Tradition. Stalinistische Frauenpolitik in den vierziger Jahren // *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte* / Ed. Plaggenborg S. Berlin, 1998.
5. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000.
6. Исупов В.А. Демографическая политика сталинского правительства. Конец 1920-х – 1940-е гг. // *Урал и Сибирь в сталинской политике*. Новосибирск, 2002. С. 31–45.
7. Engel B.A. Women in Russia, 1700–2000. New York, 2004.
8. Nakachi M. Population, Politics and Reproduction. Late Stalinism and its Legacy // *Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention* / Ed. Fürst J. New York, 2006.
9. Nakachi M. “Abortion is Killing us”. Women’s Medicine and the Dilemmas for Postwar Doctors in the Soviet Union, 1944–48 // *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science* / Ed. Bernstein F.L., Burton C., Healey D. DeKalb, 2010.
10. Nakachi M. A Postwar Sexual Liberation? The Gendered Experience of the Soviet Union’s Great Patriotic War // *Cahiers du Monde russe*. 2011; 52 (2–3).
11. Kaminsky L. Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // *Central European History*. 2011; 44.
12. Лебина Н.Б. Советская повседневность: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.
13. Clements B.E. A History of Women in Russia. From Earliest Times to the Present. Bloomington-Indianapolis, 2012.
14. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2014; 3.
15. *Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century* / Ed. Ilić M. Russia, Basingstoke, 2017.
16. Жиромская В.Б. Демографическая характеристика экономически активного населения РСФСР в 1920-е – середине 1930-х гг. // *Общество: философия, история, культура*. 2018; 4: 66–70.
17. Исупов В.А. Социальные и природные факторы демографической катастрофы в Западной Сибири (начало 1930-х гг.) // *Исторический курьер*. 2018; 1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-11.pdf>.
18. *Собрание постановлений и распоряжений СНК СССР от 1935 г.*
19. Денисов Б.П., Сакевич В.И. Очерк истории контроля рождаемости в России: блуждающая демографическая политика // *Демографические исследования*. 2014; 23: 186–208.
20. Хоффманн Д.Л. Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018.

Получено: 04.03.2019

REFERENCES

1. Heer D.M. Abortion, Contraception, and Population Policy in the Soviet Union. *Soviet Studies*. 1965; 17.
2. Glass B.L., Stolee M.K. Family Law in Soviet Russia, 1917–1945. *Journal of Marriage and the Family*. 1987; 49.
3. Solomon S.G. The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1992; 33(1).

4. Conze S. Weder Emanzipation noch Tradition. Stalinistische Frauenpolitik in den vierziger Jahren. *Stalinismus. Neue Forschungen und Konzepte*. Berlin, 1998.
5. Isupov V.A. *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the 20th century]*. Novosibirsk, 2000. (In Russ.)
6. Isupov V.A. Demograficheskaya politika stalinskogo pravitelstva. Konets 1920-kh – 1940-e gg. [The demographic policy of the Stalinist government. Late 1920s – 1940s]. *Ural i Sibir v stalinskoy politike [Ural and Siberia in the Stalinist politics]*. Novosibirsk, 2002. P. 31–45. (In Russ.)
7. Engel B.A. *Women in Russia, 1700–2000*. New York, 2004.
8. Nakachi M. Population, Politics and Reproduction. *Late Stalinism and its Legacy. Late Stalinist Russia. Society between Reconstruction and Reinvention*. Ed. Fürst J. New York, 2006.
9. Nakachi M. “Abortion is Killing us”. Women’s Medicine and the Dilemmas for Postwar Doctors in the Soviet Union, 1944–48. *Soviet Medicine. Culture, Practice, and Science*. Ed. Bernstein F.L., Burton C., Healey D. DeKalb, 2010.
10. Nakachi M. A Postwar Sexual Liberation? The Gendered Experience of the Soviet Union’s Great Patriotic War. *Cahiers du Monde russe*. 2011; 52 (2–3).
11. Kaminsky L. Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union. *Central European History*. 2011; 44.
12. Leбина N.B. *Sovetskaya povsednevnost: Normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilyu [Soviet daily life: Norms and anomalies. From war communism to great style]*. Moscow, 2016. (In Russ.)
13. Clements B.E. *A History of Women in Russia. From Earliest Times to the Present*. Bloomington-Indianapolis, 2012.
14. Kornilov G.E. Evolyutsiya mladencheskoy smertnosti na Urale v pervoy polovine XX v. [The evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the 20th century]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*. 2014; 3. (In Russ.)
15. *Palgrave Handbook on Women and Gender in Twentieth-Century*. Ed. Ilič M. Russia, Basingstoke, 2017.
16. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya kharakteristika ekonomicheski aktivnogo naseleniya RSFSR v 1920-e – seredine 1930-kh gg. [Demographic characteristics of the economically active population of the RSFSR in the 1920s – mid 1930s]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura [Society: philosophy, history, culture]*. 2018; 4: 66–70. (In Russ.)
17. Isupov V.A. *Sotsialnye i prirodnye faktory demograficheskoy katastrofy v Zapadnoy Sibiri (nachalo 1930-kh gg.) [Social and natural factors of the demographic catastrophe in Western Siberia (early 1930s)]*. *Istoricheskiy kurier [Historical Courier]*. 2018; 1. Electronic resource. Access mode: <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-11.pdf>. (In Russ.)
18. *Sobranie postanovleniy i rasporyazheniy SNK SSSR ot 1935 g. [Collection of decrees and orders of the Council of People’s Commissars of the USSR from 1935]*. (In Russ.)
19. Denisov B.P., Sakevich V.I. Ocherk istorii kontrolya rozhdanosti v Rossii: bluzhdayushchaya demograficheskaya politika [Essay on the history of birth control in Russia: wandering demographic policy]. *Demograficheskie issledovaniya [Demographic Studies]*. 2014; 23: 186–208. (In Russ.)
20. Khoffmann D.L. *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskiy sotsializm [The cultivation of the masses. Modern state and Soviet socialism. 1914–1939]*. 1914–1939. Moscow, 2018. (In Russ.)

Received: 04.03.2019

Информация об авторах

Пивоваров Никита Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); научный сотрудник кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, Москва.

Шок Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России, Нижний Новгород, Россия.

About the authors

Nikita Yurevich Pivovarov – candidate degree in history, Associate Professor at the Department of Humanities, Institute of social Sciences FSAEI HE First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University); researcher of Department of Social and Human Sciences at FSBEI HE PRMU MOH Russia, Moscow.

Nataliya Petrovna Shok – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Social and Human Sciences at FSBEI HE PRMU MOH Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Для цитирования: Pivovarov N.Yu., Shok N.P. On the history of the ban on abortion in the USSR: the views of the authorities and Soviet public opinion from the perspective of bioethics (1935–1936) // History of medicine. 2019; 6(2): 118–126.